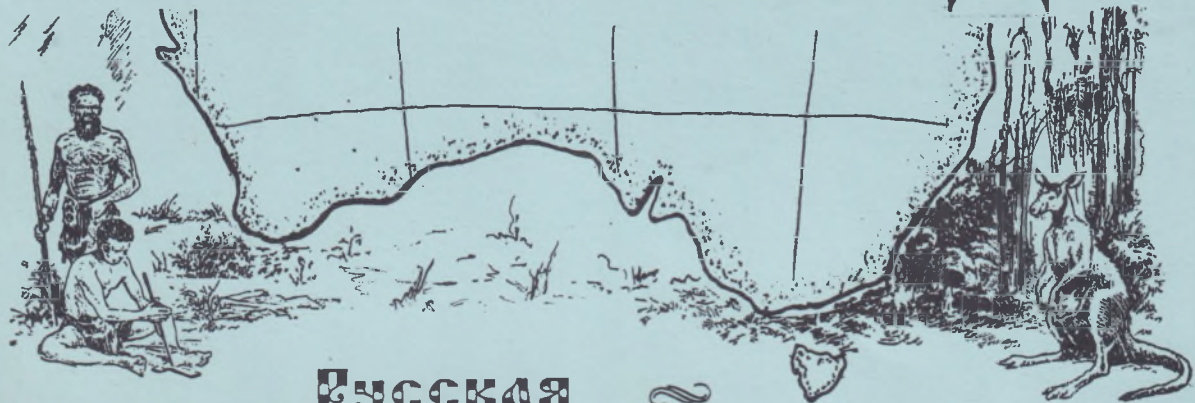

АВСТРАЛИАДА

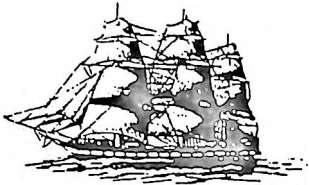
Русская летопись

СИДНЕЙ

14

1997 г.

Из ранней истории

Елена ГОВОР

ДЕКАБРИСТ ДМИТРИЙ ЗАВАЛИШИН, АВСТРАЛИЙСКИЙ КУЗНЕЦ И РУССКИЙ БУНТ (К 175-летию первого русского визита на Тасманию)

В сентябре 1826 года экипаж фрегата "Крейсер", незадолго перед тем вернувшийся из кругосветного плавания, в ходе которого он посетил Тасманию и Русскую Америку, был вызван на допросы следственной комиссией по делу декабристов. Разыгрывалась драма, которую еще не раз будет являть русская история: их недавний сослуживец лейтенант Дмитрий Иринархович Завалишин (1804-1892) по доносу родного брата обвинялся в тяжчайших преступлениях—государственной измене, шпионаже в пользу Англии и намерении стать "невозвращенцем" во время этой экспедиции. К чести капитана М.П.Лазарева и офицеров П.С.Нахимова, И.П.Бутенева, М.Д.Анненкова, Е.В.Путятина и других надо сказать, что они единогласно отрицали какие-либо особые "сношения" Завалишина с иностранцами. Благодаря солидарности моряков, обвинения, грозившие ему смертной казнью, были сняты. Тем не менее Завалишин, первоначально арестованный лишь за недонесение об известных ему "преступных" замыслах декабристов, был обвинен в том, что он "умышлял на цареубийство..., возбуждая к тому словами и сочинениями", и приговорен к ссылке в Сибирь на вечную каторгу.

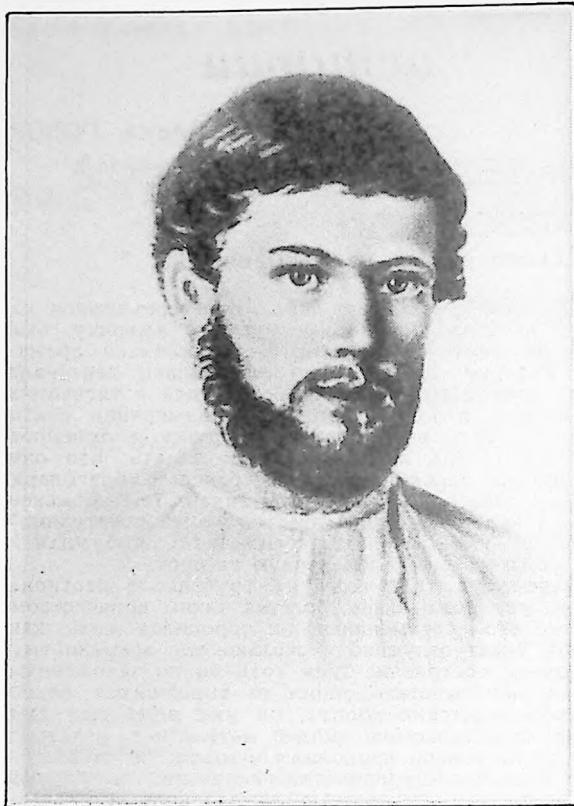
За плечами 22-летнего юноши, следовавшего в 1827 году из Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в Читинский острог, уже была жизнь, богатая таким количеством событий, что ей могли бы позавидовать многие его современники. Он торопился жить, как будто предчувствуя, как мало вольных лет ему будет отпущено и сколько еще времени ему придется провести в подневольном и поднадзорном состоянии. Судя хотя бы по заложенным в нем способностям и по началу его пути, он мог бы стать одним из выдающихся людей своего времени. Отданный в 12 лет в Морской кадетский корпус, он уже в 16 лет был назначен там преподавателем, проводя занятия по астрономии, высшей математике, механике и теории морского искусства. В то же время он постоянно продолжал учиться. "Я слушал ... лекции в Петербургском университете, в Медико-хирургической академии, в Горном корпусе..., посещал обсерваторию, Академию художеств, библиотеки, даже заводы и мастерские",—писал он. К тому времени Завалишин, по его словам, уже владел десятью европейскими и древними языками.

В 18 лет, осознав всю глубину разложения государственного аппарата, он отваживается в одиночку вступить в борьбу с ним, создает "Орден восстановления" и, уже находясь на борту "Крейсера", отправляет Александру I письмо с просьбой призвать его к себе. Он готов был пожертвовать своей мечтой, отказаться от заманчивой экспедиции, надеясь, со всей наивностью юности, раскрыть царю глаза на необходимость искоренения злоупотреблений и восстановления законности. К счастью, высочайшее повеление о возвращении Завалишина в Петербург застало его в 1824 году уже у берегов Русской Америки, и он успел завершить путешествие, воспоминания о котором освещали его тяжелую жизнь еще не одно десятилетие. Александр I, ознакомившись с планами "Ордена восстановления" Завалишина, признал его идеи "неудобоисполнимыми" и несвоевременными.

Разочаровавшись в возможности сотрудничества с верхушкой государственного аппарата, Завалишин летом 1825 года сблизился с К.Рылевым и другими членами Северного общества, ведя одновременно агитацию среди моряков и привлекая новых членов в свой "Орден восстановления". Большое значение он придавал личному самоусовершенствованию его членов. В самом восстании декабристов Завалишин участия не принял, находясь в это время в Казани, где он распространял "Горе от ума" Грибоедова, но вскоре был арестован, подвергнут многомесячному следствию и сослан в Сибирь. Отбыв 20-летнюю каторгу, он остался в Сибири и, будучи амнистирован в 1856 г., постепенно перешел к историко-публицистическому труду, а после переезда в Москву в 1863 г. литературная работа стала для него основным источником существования. Умер Дмитрий Завалишин глубоким стариком, на 88 году жизни, пережив всех декабристов.

По мнению специалистов, написано им было больше, чем кем-либо другим из участников декабристского движения, однако оценки его вклада в историю общественной мысли диаметрально противоположны. Пустая личность, фантазер и хлестаков, по мнению одних, и прототип героев Л.Н.Толстого—Пьера Безухова и декабриста Петра Лабазова,—по мнению других; человек, чьи записки Толстой считал "самыми важными" из записок декабристов, и к чьим многочисленным работам историки долгое время относились негативно. Что ж, если судить по его австралийскому литературному наследию, Завалишин действительно не обладал избытком скромности и не упускал возможности подчеркнуть, а иногда и преувеличить свою роль в событиях далекого прошлого—впрочем, этим грехом страдают многие

мемуаристы. Но все эти недостатки во многом искупаются его литературной одаренностью и оригинальной оценкой и осмыслением увиденного — редкое качество на фоне сухих хроникальных отчетов других мореплавателей того времени.

Дмитрий Завалишин

Первая русская экспедиция, посетившая Тасманию (в то время она называлась Ванди-меновою землей) в мае 1823 года, состояла из фрегата "Крейсер" и шлюпа "Ладога", она направлялась с грузами в Русскую Америку. Возглавлял отряд и командовал "Крейсером" Михаил Петрович Лазарев, это был его третий визит в австралийские колонии; "Ладогой" командовал его старший брат Андрей Лазарев. Об этом плавании он опубликовал книгу "Плавание вокруг света на шлюпе Ладоге в 1822, 1823 и 1824 годах"; Михаил Лазарев представил в Морское министерство лишь краткие рапорты. 18-летний мичман Дмитрий Завалишин тоже рассказал о событиях этого плавания в ряде очерков, опубликованных годы спустя уже после его возвращения из Сибири. Он писал о нем в журнале "Древняя и новая Россия" в 1877 г., некоторые эпизоды были описаны в его знаменитых "Записках декабриста", первый вариант которых был написан еще в Сибири, но затем уничтожен самим Завалишиным, опасавшимся расправы со стороны местных властей. Текст записок был восстановлен Завалишиным после его возвращения в Москву, но при его жизни так и не увидел света.

Но особенно интересен цикл его газетных очерков с общим подзаголовком "Из воспоминаний бывшего моряка", до недавнего времени остававшихся неизвестными специалистам и обнаруженных мною несколько лет назад. История их создания такова. В начале 1880-х годов, разбирая архив умершей сестры, Екатерины Иринарховны, Завалишин обнаружил подлинники своих собственных писем родным из кругосветного плавания. Это позволило ему подготовить ряд очерков, посвященных о. Tenerифу, Бразилии, Тасмании, Океании и колониям Российско-Американской компании, и опубликовать их в 1883-84 гг. в "Московских ведомостях". С доку-

ментами в руках он смог наконец-то восстановить события 60-летней давности. По существу это по-существу целая книга и стимулом к ее написанию послужило крайне тяжелое материальное положение Завалишина, необходимость содержать жену и четырех маленьких детей. По воспоминаниям современников, в то время заработок его в "Московских ведомостях" составлял не более 5 руб. в месяц, и он ютился с семьей в номерах Скворцова на Моховой. "Я не могу ... ни писать спокойно, ни иметь времени выправлять написанное, — жаловался он в одном из писем в те годы, — теперь я уже два с половиной года живу в одной [комнате] с детьми и должен писать среди постоянного шума и непрерывных отвлечений".

"Крейсер" и "Ладога" простояли в Хобарте около трех недель (18 мая - 9 июня 1823 г.). После трехмесячного перехода из Рио-де-Жанейро команда нуждалась в отдыхе; вода, продукты и топливо были на исходе. Занимаясь хозяйственными делами моряки с интересом наблюдали жизнь молодой колонии, история которой едва насчитывала в то время два десятка лет. С ее главными проблемами Завалишин познакомился вскоре после приезда во время обеда у губернатора Уильяма Сорелла, где кроме русских моряков присутствовал весь местный "свет" — пастор, начальник города, главный доктор, начальник военного отряда и др. "Разговор был ... в высшей степени интересный, особенно для меня, — вспоминал Завалишин, — который уже в то время занимался положением Сибири как места ссылки". Завалишин видел преимущества Тасмании в том, что здесь наряду с ссыльными с самого начала "стали селиться и добровольные переселенцы, привлекаемые умеренным климатом". Его собеседники считали, что ссылка тормозит развитие земледелия, т.к. колонисты опасаются основывать фермы далеко от Хобарта. "Только мужеству моряков-фермеров, не побоявшихся добровольно переселиться к нам, — приводит Завалишин слова губернатора, — мы обязаны, что имеем нечто вроде земской полиции; а дерзость и искусство наших беглых каторжников ... таковы, что они умудряются даже обдирать медную обшивку у стоящих на рейде судов".

Завалишин видел не только экономические причины успешной колонизации Тасмании, но уделил внимание и этнопсихологическому аспекту — "характеру и привычкам" англичан, "делающих колонизацию успешною". В очерке он привел ряд "поучительных" примеров, показывающих глубокие различия между английским (вернее, уже австралийским) и русским

подходом к колонизации. Отправившись раз ревизовать рабочий отряд матросов, занимавшийся заготовкой дров и угля в 40 верстах от Хобарта вверх по реке Дервент, Завалишин заблудился и не без опаски спросил дорогу у встреченного им на пустынном берегу человека, которого он сперва принял за беглого каторжника. Оказалось, что это был отнюдь не каторжник, а первый житель недавно основанного города—никакого признака города Завалишин, впрочем, никак не мог обнаружить. Но поселенец, смеясь, сказал ему: "А вот видите ли, вон кусок, уголок каменной стены, а за нею дощатую лагуну; это и есть город ... Колониальное начальство назначило тут быть городу; место выгодное; ну вот, выпланировали местность, разбили на участки, обозначили улицы, площади и прочее". Характерно, что застройкой своего участка фермер начал с возведения каменной ограды—"дело верное, нет спору о межах, да и другие работы легче производить в огражденном месте". "Ну, думаю я, это не по-нашему",—заключает Завалишин.

Интересен с психологической точки зрения и его рассказ о местном кузнеце, выполнявшем заказы М.П.Лазарева и представшем после окончания работ перед изумленными моряками настоящим джентльменом в синем фраке с золотыми пуговицами. Он пригласил офицеров на чашку кофе, а они долго не могли поверить, что это и есть тот самый запачканный малый в фартуке, которого они видели в кузнице. В доме у кузнеца моряки обнаружили "такие странные для наших понятий вещи, что отнюдь не раскаивались, что посетили его". Сам домик "имел вид отделанной игрушки". Жена кузнеца, которая, кстати, никогда не видела его в рабочей одежде, угостила офицеров отличной закуской и кофе. Но больше всего Завалишина поразила хорошая библиотека карманных изданий английских классиков, а ведь происходило это в колонии, основанной совсем недавно.

И уж совсем необычным будущему русскому декабристу показалось единодушное мнение горожан Хобарта, что у них три домашних друга: пастор, доктор и полицеймейстер. Действительно, более странно для русского уха сочетание, чем полицеймейстер и домашний друг, нельзя было и придумать. Размышляя обо всем увиденном, Завалишин бросал едва замаскированный упрек российской самодержавно-бюрократической власти: "Теперь понятны успехи колонизации и развития края там, где начальство не стесняет и не эксплуатирует, а ограждает и содействует; где работают разумно, ... где образованность и деликатность могут совмещаться с самою грубою и тяжелой работою! Русские путешественники, эмигранты и писатели не раз позже будут писать об этом, подмеченном еще Завалишиным, демократизме австралийского общества и размышлять о противоположности между русским и австралийским подходом к колонизации.

Появление двух русских военных судов в Хобарте вызвало большой интерес горожан. "Вся колония буквально пришла в движение",—писал Завалишин. Матросам для отдыха предоставили место на берегу. "Разные игры, песни и другие забавы разгоняли задумчивость, ... а свежая пища подкрепляла силы",—отмечал А.Лазарев. Русские моряки с удовольствием описывали радужный прием, оказанный им жителями Хобарта, поведение которых было лишено "холодности и гордости, в которых привыкли упрекать британцев". Каждый вечер их кто-либо приглашал на обед, длившийся с 6 до 11 вечера. "Столь долговременное сидение за столом, сопровождаемое взаимными учтивостями,—вспоминал А.Лазарев,—хотя для нас было тягостно, но оказываемое нам уважение требовало сей дани". 4 июня жители Хобарта и окрестные фермеры дали роскошный обед для русских моряков. Здесь впервые на Ван-Дименовой Земле прозвучали русские песни в исполнении двух хоров с "Крейсера" и "Ладоги". Пир удался на славу, а через несколько дней русские моряки устроили праздник на фрегате.

Но Завалишина более всего "интересовала новая для нас природа, чем какие-либо развлечения в городе". Вскоре после приезда ему вместе в врачом "Крейсера" Петром Алиманом удалось организовать конную экспедицию во внутренние районы острова. Три дня они провели в седле, хорошо вооруженные против "диких и каторжных", ночевали под открытым небом. Завалишин подробно описывает диковинки тасманийского растительного мира. Алиман собирал ботаническую коллекцию, а сопровождавший их матрос-егерь Курков настрелял много птиц для изготовления чучел. Особенно заинтересовали их эвкалипты. "В Россию мы первые привезли сведения о свойстве этого дерева уничтожать производящие лихорадку зловонные испарения на болотистых местностях",—писал Завалишин. Однако и сообщение об этом докторов экспедиции П.Алимана и П.Огиевского, и выступление в печати самого Завалишина уже после возвращения из ссылки прошли незамеченными, и в России сведения о свойстве эвкалипта стали распространяться лишь после удачной интродукции его в Алжире. Завалишин также указывает, что их экспедиция первая привезла в Россию черных лебедей, белого ястреба, новоголландского филина и других птиц, но на "труды русских по ученой части слишком мало обращали тогда внимания, ... и о доставленных нами вещах нигде не сделано было и помину". У самого Завалишина при аресте была изъята этнографическая коллекция.

Единственное, что омрачило пребывание экспедиции на Тасмании, был бунт русских матросов, находившихся на заготовке дров в 40 верстах от Хобарта. Завалишин обращался к этой истории в нескольких своих публикациях, наиболее подробно рассказав о ней в малоизвестном очерке "Адмирал граф Евфимий Васильевич Путятин: воспоминания бывшего сослуживца и начальника", опубликованном в "Московских ведомостях" в 1883 г. Здесь, уже после смерти Путятина, Завалишин впервые смог назвать всех участников разыгравшихся событий и защитить доброе имя Путятина, под начальством которого как раз и находились взбунтовавшиеся матросы. Надо сказать, что отсутствие каких-либо других источников об этом бунте заставляет историков относиться к рассказу Завалишина с изрядной долей осторожности. Несомненно, конечно, что диалоги были написаны им задним числом и что его

собственная роль и влияние на Лазарева были им преувеличены, но сам факт волнений, описанных Завалишиным, не подлежит сомнению.

Итак, согласно Завалишину, около 50 матросов, находившихся на рубке дров, доведенные до отчаяния злоупотреблениями и жестокостью старшего офицера И.Кадьяна, отказались работать, а пять покинули лагерь, войдя в контакт с группой беглых ссыльных, скрывавшихся в лесу. Губернатор колонии Сорелл выражал опасения, что если и остальные матросы присоединятся к беглецам, то они могут представить серьезную угрозу для колонии, имевшей небольшие вооруженные силы. Завалишин отверг план Лазарева подавить восстание силой, т.к. и остальные матросы, находившиеся на кораблях, были недовольны жестокостью и Кадьяна, и самого Лазарева, и могли присоединиться к восставшим с оружием в руках. Завалишин решил действовать силой нравственного убеждения, отправился к восставшим и уговорил их сдаться. Четверо из бежавших добровольно вернулись на корабль и получили сравнительно мягкое наказание. Александр Массов обнаружил в архиве имена троих беглецов: И. Малков, И. Турышев и Т.Прокофьев.

Не вернулся только, уйдя с беглыми ссыльными, рулевой Станислав Станкевич, о чем Лазарев и вынужден был упомянуть в официальном донесении, указывая на его польское происхождение. Станкевич, по характеристике Завалишина, был одним из лучших матросов, грамотный, развитый, "он конечно живет [других] чувствовал незаслуженные наказания". Он происходил из Вильчины и был, вероятно, белорусом, как и Джон Потоцкий, первый российско-польский ссыльный в Австралии, обнаруженный экспедицией Лазарева (о нем мы рассказывали в "Австралиаде" № 7). Станиславу Станкевичу принадлежит честь быть первым русским политическим "невозвращенцем" в Австралии. Дальнейшая судьба его неизвестна; несколько Станкевичей, которые живут на Тасмании сейчас, приехали туда после войны и к нашему беглецу отношения не имеют.

Русские корабли покидали Хобарт 9 июня. Перед уходом кораблей жители Хобарта попросили на память русский военный флаг, который решено было сохранять при городском управлении. В знак "уважения к могущественной России" крепость первая салютовала 11 выстрелами. "Англичане никогда не делают со своим военным кораблем", с гордостью писал М.Лазарев, а его брат Андрей вспоминал: "Гром пушек, весьма редкий в сей мирной столице, привлеченные на берег толпы народа, ясность дня, поверхность тихой воды, освещаемой восходящим из-за гор солнцем, и дымные облака, вздымающиеся над фрегатом, составляли приятное зрелище".

Литература: Тексты А.П. Лазарева и Д.И.Завалишина см. в кн. Российские моряки и путешественники в Австралии, М., 1993, с. 76-98; Е.В.Говор, «"Австралия и Полинезия"—забытый очерк декабриста Д.И.Завалишина», Конференция по изучению Австралии и Океании, Москва, 1989, с. 25-34; А.Массов, Андреевский флаг под Южным Крестом, Спб., 1995; Л.П.Петровский, "История одного допроса",—История СССР, 1975, № 6, с.81-85; Б.И.Еропкин, "Декабрист Д.И.Завалишин",—Сибирь, 1971, № 2, с.90; G.Barratt, *The Russians and Australia*, Vancouver, 1988, pp. 183-5.

ДАР КОНСУЛА

(Окончание. См. №13)

Мельбурн, январь 1894 г.

Жаркий день клонился к закату. По широкой и прямой Bourke Street неспешной походкой шел европеец. Был он небольшого роста, хрупкого телосложения. Его продолговатое, окаймленное аккуратно подстриженной бородкой лицо располагало. Высокий с залысинами лоб придавал выражению лица внушительность. Впечатление дополняли роскошные усы, внимательный взгляд широко поставленных глаз. Некоторые прохожие обращали на него внимание. Вслед доносился шёпот: "Вот он, вот он, тот самый русский консул". Это действительно был он, первый русский консул в Мельбурне, Алексей Дмитриевич Путята.

Вдали виднелось монументальное здание парламента, высились шпили собора. Он часто прогуливался здесь и иногда завершал прогулку в здании Публичной библиотеки. Здесь была широко представлена мировая классика, произведения австралийских авторов. Алексей Дмитриевич заинтересовался поэзией, особенно понравились ему стихи Дугласа Сладена.

Помимо собственно библиотеки в здании было еще несколько залов. В одном из них был расположен музей достижений поселенцев. Производили впечатление их успехи в разведении овец, производстве шерсти. Интерес русского консула к овцеводству был не случаен. Его отец Дмитрий Николаевич Путята был известным в России помещиком-селекционером. Муляжи коров, двух выведенных им пород были даже представлены в сельскохозяйственном музее в Санкт-Петербурге.

В другом зале выставлялись полотна австралийских художников - легко написанные, незатейливые пейзажи.

....Вечерело, жара спадала. Алексей Дмитриевич покинул библиотеку и направился на Маркет стрит в Императорскую русскую миссию. Здесь его ждала неоконченная работа.

Он вошел в просторный кабинет, приоткрыл шторы, сел за широкий, на коротких точеных ножках письменный стол. Перед ним лежало начатое письмо. Он еще раз перечитал написанное.